

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-4-190-201

УДК 81'42; 801.7

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЗАЦИЯ
ПРОИЗНЕСЁННОЙ НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ
НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ****Пучинина О.П.**

Статья посвящена теме чужой речи, которая остаётся актуальной в современном языкознании. Автор статьи исследует особенности функционирования произнесённой (внешней) несобственно-прямой речи (далее НПР) (а именно её структурно-семантических видов) на материале прозаических текстов Марины Цветаевой. Посредством произнесённой НПР отображается прямая речь литературных персонажей через авторскую перспективу, при этом фактическая речь персонажа в авторской речи иногда принимает форму прямой речи, либо маркируется за счёт использования кавычек, редко – двоеточия. Опираясь на структурно-семантическую классификацию, предложенную украинским лингвистом Е.Я. Кусько, автор статьи описывает отличительные черты различных видов произнесённой несобственно-прямой речи: тематической речи, скрытой речи, речи в речи, коллективной речи, цитатной речи. Делается вывод, что последняя разновидность внешней НПР находит наибольшее применение в прозаических текстах выдающегося русского поэта XX века, а произнесённая НПР используется М.И. Цветаевой очень редко, что связано со спецификой идиостилия поэта.

Целью работы является описание характерных черт функционирования НПР, выявление механизмов реализации и маркеров выделяемых видов произнесённой НПР в прозаических текстах поэта.

Метод или методология проведения работы. Основу исследования образует метод сплошной выборки иллюстративного материала, метод нарратологического анализа, метод семантического

структурирования художественного текста, прием стилистической интерпретации.

Результаты. *В результате проведённого анализа теоретического и практического материала автор приходит к выводу о том, что в прозаических текстах М.И. Цветаева прибегает к трём разновидностям произнесённой НПР, а именно цитатной речи, реже речи в речи и коллективной речи. В качестве цитатной речи в прозе Цветаевой используется дословное цитирование, когда в структуре авторского повествования дословно цитируется речь литературных персонажей (в виде отдельных слов или выражений); и дословное или видоизменённое цитирование речи известных лиц.*

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть применены исследователями творчества Марины Цветаевой, студентами филологических отделений при изучении таких дисциплин, как стилистика русского языка, синтаксис русского языка.*

Ключевые слова: *несобственно-прямая речь; Марина Цветаева; типологизация; субъектный план; авторский план.*

STRUCTURAL-SEMANTIC TYPOLOGIZATION OF FREE INDIRECT SPEECH: THE CASE OF MARINA TSVETAEVA'S PROSE

Puchinina O.P.

The article is devoted to the topic of someone else's speech, which remains relevant in modern linguistics. The author studies the way uttered (external) free indirect speech (FIS) (namely, its structural and semantic types) functions in Marina Tsvetaeva's prosaic texts. Through uttered free indirect speech, the writer renders persona's direct speech, which may be occasionally marked by quotes or by colons. On the basis of the structural-semantic classification proposed by the Ukrainian linguist E.Y. Kus'ko, the author of the article describes the specific features of various types of uttered free indirect speech: thematic speech, hidden speech, speech in the speech, collective speech, citation speech.

The latter is employed more frequently in the outstanding Russian poet's prose. At the same time, M.I. Tsvetaeva resorts to uttered free indirect speech rather rarely, which is connected with the peculiarity of the poet's individual style.

*The **purpose** of the work is to describe how free indirect speech functions in the text field, identify the implementation mechanisms and markers of the described types of uttered free indirect speech in prose texts of the Russian poet.*

***Methodology.** The research has been conducted using the method of continuous sampling of the illustrative material, the method of narratologic analysis, the method of semantic structuring of the literary text and the method of stylistic interpretation.*

***Results.** The author comes to the conclusion, that in her prosaic texts, M.I. Tsvetaeva resorts to three varieties of uttered FIS, namely citation speech, rarely speech in speech and collective speech. Tsvetaeva employs word-for-word quoting of literary characters' speech (in the form of separate words or expressions); and word-for-word or modified quoting of famous people's speech.*

***Practical implications.** The results of the research can be applied by students of philological departments while taking such courses as stylistics and syntax of the Russian language.*

***Keywords:** free indirect speech; Marina Tsvetaeva; typologization; subjective plan; author's plan.*

Несобственно-прямая речь как своеобразный, экспрессивный способ передачи чужой речи и выражающий синкретизм языковых форм и конструкций, как отмечают исследователи Д.А. Салимова и Ю.Ю. Данилова [6, с. 186], находит применение в прозе и поэзии уже не одно десятилетие. Существует точка зрения, что одним из первых использовал элементы НПР в своих «Кентерберийских рассказах» известный английский поэт Джеффри Чосер, что доказывает О.А. Блинова [1, с. 36–37]. В русской литературе, по признанию ряда учёных, первым прибегал к НПР А.С. Пушкин [8]. Однако наиболее широко данный языковой феномен стал

применяться в литературе с XX века. Первыми исследователями НПП стали зарубежные ученые, в частности, А. Тоблер; после него разработкой проблем занимались Ш. Балли, Г. Лерх, Э. Лорк, А. Нойберт, М. Флудерник, отечественные филологи М.М. Бахтин, Б.О. Корман, Л.А. Соколовская, А.А. Андриевская. Особый вклад в исследование проблем НПП внесла Е.Я. Кусько, которая в своей работе «Проблемы языка современной художественной литературы. Несобственно-прямая речь в литературе ГДР» провела подробный анализ работ по НПП в отечественном и зарубежном языкознании XX века, детально охарактеризовала лингвистическую сторону НПП, предложила структурно-семантическую и количественную классификацию НПП [4].

Структурно-семантическая типологизация представляет значительный научный интерес в плане исследования взаимосвязи структурной формы, семантического содержания, стилистической реализации и художественного эффекта. С точки зрения двойственной психологической природы НПП, разделяют внешнюю (произнесённую) и внутреннюю (непроизнесённую) НПП. В настоящей работе мы остановимся подробно на первом виде НПП, используемом для передачи прозвучавшей речи персонажа, проиллюстрировав её виды примерами прозы М.И. Цветаевой. Нами проанализировано около 300 примеров НПП, извлечённых методом сплошной выборки из следующих рассказов и повестей русского поэта: «Мать и музыка», «Мой Пушкин», «Чёрт», «То, что было», «Живое о живом», «Китаец», «Хлыстовки», «Дом у Старого Пимена» [7].

Произнесённая НПП представляет собой воспроизведение уже имевшей место прямой речи литературных персонажей через авторскую перспективу, например, в следующем отрывке из рассказа Цветаевой «Мать и музыка»: *Но с нотами, сначала, совсем не пошло. Клавишу нажмешь, а ноту? Клавиша есть, здесь, вот она, черная или белая, а ноты нет, нота на линейке (на какой?). Кроме того, клавишу – слышно, а ноту – нет. Клавиша – есть, а ноты – нет. И зачем нота, когда есть клавиша?* [7, с. 13]. В этом отрывке наблюдаем репрезентацию диалога маленькой Марины и

её матери во время уроков музыки, вернее, только слова матери в этом диалоге. Выделенный фрагмент является произнесённой НПР, в котором представлены отличительные черты данного вида передачи чужой фактической речи: отсутствие кавычек или тире как маркеров прямой речи, особая синтаксическая организация комплекса с НПР (вопросительные знаки, параллельные конструкции, повторы, вставная конструкция).

Научный интерес представляют также случаи произнесённой НПР, включённые в повествование глаголом, выражающим чувства, как в следующем примере из рассказа «То, что было»: *Я смущаюсь: Только ты одну вещь отнесешь Ал<ександру> Павловичу, хорошо?* [7, с. 101]. В этом случае только отсутствие кавычек отличает внешнюю НПР от прямой речи, то есть автор подключает как бы и пунктуационный ресурс текста.

Упомянутая нами Е.Я. Кусько разграничивает следующие виды произнесённой НПР: тематическая речь, скрытая речь, цитатная речь, речь в речи, коллективная речь НПР [4, с. 49].

Тематическая речь находит применение в тех случаях, когда автор задаётся целью передать лишь основной предмет или основной предмет произнесённой речи персонажа, происходит смешение НПР с авторским речевым планом за счёт стопроцентного поглощения субъективного плана авторским. Эта разновидность НПР часто используется для изложения содержания сообщений, высказываний, диалогов, полилогов [4, с. 49].

В функционировании **скрытой речи** обнаруживается сходство с тематической речью, т.к. оба вида произнесённой НПР характеризуются поглощением авторским планом субъектного. Но они отличаются тем, что в тематической НПР речевые субъектные маркеры всецело абсорбируются авторским планом, а в скрытой НПР почти всегда можно проследить, какой языковой маркер (с точки зрения лексики или синтаксиса), свидетельствует о появлении плана литературного персонажа [4, с. 50].

Цитатная речь обычно предстаёт в двух вариациях: 1) дословное цитирование, когда в структуре авторского повествования до-

словно цитируется речь персонажей (в виде отдельных слов или выражений); 2) дословное или видоизменённое цитирование речи известных лиц (слова, афоризмы и сентенции). В современной литературе в комплексах с НПП подобное цитирование используется как с кавычками, так и без них [4, с. 51].

Первая вариация цитатной речи, основанная на цитатном включении персонажей в авторское повествование, является более эффективной. Диапазон цитируемой персонажной речи широк: от незначительных цитатных вставок – вкраплений (иногда рассеянных в структуре авторского повествования) до отдельных структурно и семантически оформленных предложений, а иногда и целых абзацев, представляющих произнесённую речь персонажа. Персонажные цитации могут быть представлены словами и выражениями с модальным значением и утвердительными, и отрицательными словами, эмоционально-экспрессивной, цитатной лексикой и т.д.

Андрюшина хрестоматия была несомненно-толстая, ее распирало Багровым-внуком и Багровым-дедом, и лихорадящей матерью, дышащей прямо в грудь ребенку, и всей безумной любовью этого ребенка, и ведрами рыбы, ловимой дурашливым молодым отцом, и «Ты опять не спишь?» – Николенькой, и всеми теми гончими и борзыми, и всеми лирическими поэтами России [7, с. 74]. Несомненно, важна роль в данном отрывке из рассказа «Мой Пушкин» и других средств языковой выразительности: параллельные конструкции, повтор союзов-частиц «и». Интересно включение данной внешней НПП («Ты опять не спишь?»), заключающей в себе целое вопросительное предложение кого-то из взрослых (возможно матери), в структуру перечисления дополнений, выраженных именами собственными и именами существительными. Подобные случаи языковых аномалий характеризуют идиостиль М. Цветаевой в целом.

Вторая разновидность цитатной НПП представлена включением в структуру авторского повествования слов или словосочетаний, принадлежавших известным личностям: афоризмы, пословицы, поговорки, сентенции и т.п., также посредством кавычек или без них,

иногда при помощи двоеточия [4, с. 55]. *Это был апогей вдохновения. С «Прощай же, море...» начинались слезы. «Прощай же, море! Не забуду...»* [7, с. 87] В этом примере из рассказа «Мой Пушкин» М. Цветаева цитирует полюбившееся ещё в детстве стихотворение А.С. Пушкина «К Морю», ставшее для неё источником вдохновения, трепетного восторга и одновременно грусти, ведь она ребёнком никогда не была на море.

Вслед за Е.Я. Кусько мы выделяем также вкрапленную цитатную НПР, описывая её как незначительное включение субъектно-речевых регистров в структуру НПР (слово или словосочетание). Цитирование одного, двух или более предложений следует считать не вкрапленной НПР, а обычной цитатной НПР [4, с. 53]. В анализируемых рассказах М.И. Цветаевой отмечаем достаточно частое использование именно вкрапленной цитатной речи, когда она насыщает авторское повествование вкраплением той или иной цитаты, состоящей буквально из пары слов, будь то цитирование известной личности или человека из её окружения. *Кроме большой руки, у меня оказался еще «полный, сильный удар» и «для такой маленькой девочки удивительно-одушевленное туше»* [7, с. 11] В данном отрывке из рассказа «Мать и музыка» Цветаева приводит слова своей матери, когда та делилась впечатлениями о музыкальных уроках с юной Мариной и её успехах. Для достоверности описания мироощущения юного персонажа она приводит лишь несколько фраз, которые ребёнок мог запомнить из разговора взрослых.

Речь в речи представляет значительный интерес, ибо данная разновидность произнесённой НПР выступает непосредственным связующим компонентом между НПР как явлением коммуникации и НПР как литературным явлением и способом передачи речи. Речь в речи – это интродукция определённых элементов речи одного литературного персонажа в речь другого персонажа, переданную в НПР. Согласно мнению Е.А. Гончаровой такую НПР можно назвать «двухэтажной» НПР [2, с. 125]. По лингвистическим наблюдениям ряда исследователей, в основном первый субъектный план является

внутренней речью персонажа, т. е. его мысленной речью или воспоминаниями, а второй план заключает в себе фактическую речь другого персонажа; однако, мы наблюдали элементы фактической речи во внутренней речи этого же персонажа [5, с. 61]. Следовательно, можно сделать вывод, что в речи в речи внешняя речь одного персонажа воспроизводится через мысли, ассоциации, реминисценции другого или этого же персонажа. В этом случае происходит разрыв временных повествовательных планов времени внешней речи и времени её воспроизведения. Именно этот разрыв маркирует речи в речи, т.е. служит сигналом включения в нарратив нового вербального слоя. Можно утверждать, что этот вид НПР стоит на стыке внешней и внутренней НПР, являясь их своеобразным типологическим звеном.

В речи в речи также отмечаем случаи, в которых оба субъектных плана представляют собой произнесённую речь. Это наблюдается в произведениях, написанных от первого лица, когда главный протагонист также выступает героем-повествователем [4, с. 57]. В прозаических произведениях М.И. Цветаевой мы чаще всего имеем дело с данным видом внешней НПР, ведь их главным героем выступает сама Марина в разных временных и пространственных плоскостях. К голосу девочки Марины как бы подключается голос взрослой Марины. Происходит смешение трёх разноплановых перспектив – авторской и двух персонажных (персонажа-девочки и персонажа-взрослой женщины). Г.Г. Инфантова акцентирует такую функциональность НПР, отмечая, что в контексте эта разновидность НПР обнаруживается благодаря сдвигу субъектных планов – плана автора – непосредственного участника событий, то есть персонажа, которым передаваемые слова были когда-то в прошлом произнесены, и автора-повествователя, который знает, что произошло дальше, и который уже может быть в значительной степени изменен (вырос, изменилось мировоззрение, взгляд на излагаемые события и т.д.) [3, с. 266]. Е.Я. Кусько признаёт данную точку зрения справедливой, но обращает внимание на то, что правильнее говорить в этом случае

не о двойственном плане автора, а о двойственном субъектном плане такой речи (т.е. две временные плоскости – настоящего и прошедшего). План автора повествователя в литературном произведении единый, охватывающий разносубъектные и разновременные перспективы [4, с. 59].

О, как мне тогда, в младенчестве, это нравилось: «черт возьми» – из его уст! Как до глубины живота ожигало это молодечество! [7, с. 34]. В рассказе «Чёрт» автор описывает своё детство и тайного «друга» (Чёрта). В приведённом примере она вспоминает увиденный в детстве сон, в котором она тонула, а её тайный «друг» спас её. Станным образом этого необычного ребёнка привлекал и манил образ Чёрта, что даже простая фраза «черт возьми», являющаяся ругательной, в устах любого человека приобретала для неё романтический ореол. В данном отрывке произнесённая фраза «черт возьми» вплетена в воспоминания персонажа, в его внутреннюю речь, следовательно, является речью в речи. Невозможно достоверно определить, была эта фраза произнесена кем-либо из окружения ребёнка или она сама мысленно, возможно неоднократно произносила её.

Коллективная речь находит применение при необходимости передать речь определённых групп, даже людских масс в целом и т.д. [4, с. 59]. В анализируемых произведениях эта разновидность произнесённой НПР чаще всего представляет собой речь детей в ответ на какое-либо замечание или предложение взрослых, как, например, в следующем отрывке из повести «Мой Пушкин». Дети никогда не были на море и долго предвкушали поездку к морю и поэтому не смогли сдержать возглас разочарования, когда наконец они увидели плоскую, серо-белую полоску воды: «– *Ася! Муся! Смотрите! Море!* <...> *Это – море? И, переглянувшись с Асей, откровенно и презрительно фыркаем* [7, с. 88]. Выделенное предложение скорее всего было произнесено сёстрами Цветаевыми одновременно, они были едины в своих ощущениях в тот момент.

Таким образом, как итог сказанного выше можно заключить следующее: 1) Произнесённая НПР в её разновидностях находит

нечастое применение в прозе М.И Цветаевой (менее 10% анализированных примеров НПП являются произнесённой НПП). 2) Из пяти вариаций внешней НПП, описанных Е.Я. Кусько, в исследуемых произведениях Марины Цветаевой нами выявлено использование только трёх (цитатной речи, речи в речи и коллективной речи). 3) Чаще всего поэт прибегает к цитатной НПП, прибегая к цитатам известных личностей, к фрагментам литературных произведений, афоризмам, а также приводит слова своих знакомых, родственников. В данном случае цитатная речь выступает средством интертекстуальности. При этом, отмечаем преимущественное использование вкраплённой цитатной НПП, введённой в текст при помощи кавычек или без них. Разноплановые вкрапления из литературных произведений и афоризмов обогащают тексты Марины Цветаевой, отличающиеся особой оригинальностью, многослойностью и недосказанностью, своеобразной мозаичностью.

Список литературы

1. Блинова О.А. Лингвокогнитивный аспект репрезентации несобственно-прямой речи (на материале произведений Э. Хемингуэя). Дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2015. 167 с.
  2. Гончарова Е.А. Несобственно-прямая речь в современной немецкой художественной прозе: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1969. 261 с.
  3. Инфантова Г.Г. Грамматические признаки несобственно-прямой речи в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1962. 23 с.
  4. Кусько Е.Я. Проблемы языка современной художественной литературы. Несобственно-прямая речь в литературе ГДР. Львов: Вища школа, 1980. 208 с.
- Пучинина О.П. Структурно-семантическая репрезентация несобственно-прямой речи (на примере англо-американской прозы XX века) // Приволжский научный вестник. 2013. № 9. С. 58–70.
- Салимова Д.А., Данилова Ю.Ю. Время и пространство как категория текста: теория и опыт исследования (на материале поэзии М.И. Цветаевой и З.Н. Гиппиус). Москва: «Флинта», «Наука», 2009. 200 с.

5. Цветаева М. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 5: Автобиографическая проза. Статьи. Эссе. Переводы. М.: Эллис Лак, 1994. 720 с.
6. Рус-Олимп. Несобственно-прямая речь. URL: <http://rusolimp.kopeisk.ru/sintaksis/?file=136> (дата обращения: 09.01.2018).

References

1. Blinova O.A. *Lingvokognitivnyj aspekt reprezentacii nesobstvenno-prjamoj rechi (na materiale proizvedenij Je. Hemingujeja)* [Linguocognitive aspect of the representation of improperly direct speech (by the material of E. Hemingway's works)]. Moscow, 2015. 167 p.
2. Goncharova E.A. *Nesobstvenno-prjamaja rech' v sovremennoj nemeckoj hudozhestvennoj proze* [Free indirect speech in modern German fiction]. Leningrad, 1969. 261 p.
3. Infantova G.G. *Grammatical signs of improperly direct speech in modern Russian* [Grammaticheskie priznaki nesobstvenno-prjamoj rechi v sovremennom rusском jazyke]. Leningrad, 1962. 23 p.
4. Kus'ko E.Ya. *Problemy yazyka sovremennoj khudozhestvennoj literatury. Nesobstvenno-pryamaya rech' v literature GDR*. [The language problems of the contemporary fiction. Represented speech in the literature of the GDR]. L'vov: Vishcha shkola, 1980. 208 p.
5. Puchinina O.P. *Strukturno-semanticheskaja reprezentacija nesobstvenno-prjamoj rechi (na primere anglo-amerikanskoj prozy XX veka)* [Structural-semantic representation of improperly direct speech (by the example of Anglo-American prose of the twentieth century)]. *Privolzhskij nauchnyj vestnik*. 9 (2013), pp. 58–70.
6. Salimova D.A., Danilova Yu.Yu. *Vremja i prostranstvo kak kategorija teksta: teorija i opyt issledovanija (na materiale poezii M.I. Tsvetaevoj i Z.N. Gippius)*. [Time and space as a category of text: theory and experience of research (on the material of the poetry of MI Tsvetaeva and Z.N. Gippius)]. Moscow: Flinta, Nauka, 2009. 200 p.
7. Tsvetaeva M. *Sobranie sochinenij: V 7 t. T. 5: Avtobiograficheskaya proza. Stat'i. Esse. Perevody* [Collected edition: In 7 Vol. Vol. 5: Autobiographical prose. Articles. Essays. Translations]. M.: Ellis Lak, 1994. 720 p.

8. RusOlimp. Free indirect speech. <http://rusolimp.kopeisk.ru/sintaksis/?-file=136> (accessed: January 09, 2018).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Пучинина Ольга Павловна, старший преподаватель кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, аспирант 2-го года обучения
Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета
ул. Казанская, 89, г. Елабуга, Республика Татарстан, 423604, Российская Федерация
olga.puchinina@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Puchinina Olga Pavlovna, Senior Lecturer, Department of English Philology and Cross-Cultural Communication, 2nd year graduate student
Elabuga Institute of Kazan' (Volga Region) Federal University
89, Kazanskaya Str., Elabuga, Tatarstan Republic, 423630, Russian Federation
olga.puchinina@gmail.com
SPIN-code: 2331-9252
Scopus Author ID: 870864
Researcher ID: O-3599-2015
ORCID: 0000-0002-6460-7157